

М. Я. Ларсонс

В советском лабиринте

Эпизоды и силуэты

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. Я. Ларсонс**
В советском лабиринте: Эпизоды и силуэты / М. Я. Ларсонс – М.: Книга
по Требованию, 2013. – 183 с.

ISBN 978-5-458-39872-5

ISBN 978-5-458-39872-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Все эти стремления превратились в ничто перед голой действительностью.

Политическая система вправе требовать от государственных своих чиновников строгого исполнения обязанностей, неподкупности, лояльности и энергии, но взамен всего этого им должна быть по крайней мере гарантирована защита их личности и абсолютная неприкосновенность их жизни. Этих гарантий в Советской России нет, даже для самых выдающихся русских специалистов, поскольку они не принадлежат к коммунистической партии, что бывает весьма редко.

Недостаточно написать на политическом знамени блестящие, сверкающие, вдохновляющие лозунги: все зависит от того, кто является носителем знамени, и принимаются ли действительно эти лозунги всерьез.

Политический режим, который именует себя «рабоче - крестьянским правительством», на самом деле же рабочих запрягает в дышло современных принудительных работ, а крестьянство принуждает к современным формам крепостничества; система, которая вполне сознательно попирает ногами свободу — это высшее идеальное и реальное благо человечества; система, которая дошла до такой чудовищности, что все население за исключением узкого круга коммунистической партии лишено всех прав и находится в полной зависимости от произвола единственной правящей партии; система, для которой и принципиально не существует лозунга: «Одинаковое право для всех» и которая сознательно считает закон и право лишь орудиями классовой борьбы; система, которая выбросила в кучу мусора буржуазную мораль, несомненно требующую коренного пересмотра, но создавшая в качестве новой морали лишь единственный принцип: «Для пользы коммунистической партии все средства хороши», подобная система не может ожидать, чтобы ее чудовищные теневые стороны

замалчивались, а выявлялись только ее светлые стороны.

Коммунистическая партия утверждает, что я не понял сущности того, что происходит в России, что я не вижу нового поколения, так как я не хочу его видеть. Это пустые слова. Я не чужак, которому далеки история и интересы России, я не «наемщик», который поехал в Россию для заработка. Я не немецкий архитектор, не американский инженер, не английский геолог, которые отправились в Советскую Россию, чтобы строить там дома, устанавливать машины и создавать фабрики или же производить разведки и бурения, совершенно так же, как они отправлялись бы во всякую другую страну, в Персию, Суматру или Чили для того, чтобы там работать по своей специальности и расширить свои технические знания.

Я по другому отношусь к Советской России. Я видел открытыми глазами то, что было великого в русской революции, я содействовал восстановлению страны в своей области всеми силами, я несколько не недооценивал пользы планового хозяйства и безусловно признавал фактические достижения советского правительства, в какой-бы области они ни совершались.

Нужно однако подчеркнуть, что все то, что было действительно сделано и достигнуто в Советской России в области хозяйственного и культурного строительства, все это было крикливо, по торгашески разглашено по всему свету и поднято до самых небес, как со стороны официальных советских учреждений, так и со стороны искренних и лживых, купленных и некупленных сторонников и агентов советской власти. У меня нет никаких оснований также присоединяться к этому хору. Наоборот, необходимо свести эти сильно раздутые успехи к их настоящим размерам. С другой стороны я не вижу основания для присоединения к тем слоям общества, которые, в совершенно понятном страхе перед ком-

мунизмом, заранее готовы отрицать за советским режимом всякую положительную сторону. Я ограничиваюсь тем, что предоставляю фактам говорить за себя.

То, что я предлагаю читателю в этой книге, это ряд эпизодов из моей жизни в Советской России, а также из моей советской службы за-границей. Эпизоды эти отвечают действительности. Я ничего не преувеличил, я не окрасил событий ни в темную, ни в светлую краску. Я отказался от всяких румян и белил.

Берлин, декабрь 1931 г.

К русскому изданию.

Предпосылаю моей настоящей книге, в качестве эпиграфа, характерныя изречения Карла Каутского, записанное в мою памятную книгу еще осенью 1919 года, а также слова, написанные им в конце мая 1931 года в ответ на запрос об опубликовании этого изречения.

Как и первая моя книга «На советской службе», и эта книга рассчитана преимущественно на иностранного читателя, для коего и общеизвестные всякому русскому факты русской жизни и советской действительности являются новыми и интересными.

В качестве приложения здесь печатается впервые секретный циркуляр народного комиссара иностранных дел Георгия Чичерина от 11 ноября 1920 г., который, будучи принципиально совершенно правильным, все же звучит сегодня дикой пародией, если приложить его к действительному образу жизни советских дипломатов и представителей заграницей.

Автор.

Берлин, декабрь 1931 г.

Die Weltrevolution wird sich nicht vollziehen auf dem Wege der Diktatur, nicht durch Kanonen und Maschinen, sondern durch Zerbröckelung der politischen und sozialen Gegner sondern durch Demokratie und Menschlichkeit.

Oktober 1919

Karl Kautsky

Перевод с немецкого:

Всемирная революция не совершится путем диктатуры, посредством пушек и пулеметов, посредством уничтожения политических и социальных противников, а путем демократии и человечности.

Карл Каутский.

Октябрь 1919 г.

29/5, 1931

Ich kann mich nur freuen, wenn Sie auf meine Notiz vom Oktober 1919 irgendein Hinweis. Mir ist jede Gelegenheit willkommen, auf die Vorkatholik und Niederkunft der Proleten zu hin zu weisen, der den schändlichen Vorkatholik den heutigen Menschen mit der Arbeit

K. Kautsky

Перевод с немецкого:

29 мая 1931 г.

Я только буду рад, если Вы как-нибудь укажете на мои слова от октября 1919 г.

Я приветствую всякую возможность указывать на превратность и гнусность большевизма, который представляет собой злейшую язву современного человечества.

Карл Каутский.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Н. Н. КРЕСТИНСКИЙ.

Я знаю Николая Николаевича Крестинского — бывшего много лет советским послом в Берлине — с 1908 г.; я познакомился с ним в Петербургском Суде, где он выступал в качестве молодого адвоката.

Он буржуазного происхождения — сын инспектора гимназии в Вильне. Так-же, как и я, он принадлежал к группе политических защитников, т. е. к стоящим политически на левом фланге адвокатам, которые поставили своей задачей защиту в обыкновенных и военных судах всех тех, которые привлекались к суду за принадлежность к нелегальным социалистическим или революционным организациям.

В то время в России происходили грандиозные политические процессы, многочисленные обвиняемые должны были одновременно появляться перед судом, как представители определенной революционной организации или группы (напр. процесс социал-демократической организации в Кронштадте, мастерской бомб в Хаапале, Туккумского крестьянского восстания и пр.). В таких процессах принимало участие много защитников, которые вели дело солидарно, т. е. не старались сваливать вину с одного обвиняемого на другого, а стремились к тому, чтобы при защите одного обвиняемого по возможности не страдали интересы другого. Крестинский начал

свою деятельность в качестве молодого адвоката за год до меня, так что ко времени нашего с ним знакомства он уже имел за собой целый ряд политических защит. Мы встречались в суде, на процессах, ели вместе в ресторане суда и познакомились друг с другом ближе, но дружеских отношений между нами никогда не было. Даже между коллегами в то время не было принято расспрашивать друг-друга о политических взглядах или о принадлежности к той или иной нелегальной организации. Часто двое хороших знакомых принадлежали к той-же самой нелегальной организации без того, чтобы один знал об этом о другом.

Крестинский не был оратором, да и вообще ничем не выделялся в кругу своих коллег. Но он был добросовестным человеком — что гораздо важнее для защитника —, он всегда хорошо изучал дело и выступал в суде вполне подготовленным.

Он был исключительно честлюбив и стремился возместить отсутствие крупных выдающихся способностей трудолюбием, усидчивостью и знанием дела. «Большой человек на малые дела» — такова была характеристика, которую дал о нем один коллега.

Крестинский не был по своей натуре вождем. Наоборот, он сам нуждался в поддержке, его кругозор и интересы были ограничены. К тому еще он отличался нервным смехом, который часто находился в странном противоречии с предметом разговора и порой был поводом весьма нелестных суждений о нем. Но он был человеком скромным, охотно помогал другим, был всегда приветлив и поэтому в кругу коллег к нему относились хорошо.

Я скоро потерял Крестинского из виду, так как я по истечении полутора лет уехал из Петербурга, Крестинский же в то время переселился на Урал, в гор. Екатеринбург. Там Крестинский занимался адвокатской практикой, выступал со стороны рабочих в их процессах против горнопромышленников,

заводов и предпринимателей и вел их дела, касающиеся заработной платы, вознаграждения за увечье и т. п.

Я встретился с Крестинским опять в Петербурге после большевистской революции приблизительно в конце декабря 1917 г. Я явился по поручению В. Евдокимова, председателя «Общества Шлиссельбуржцев», в Государственный банк в Петербург для того, чтобы получить для этого Общества около 12000 рублей по чеку. Это общество образовалось сейчас-же после мартовской революции 1917 г. и состояло из прежних революционеров, которые в свое время за политические преступления сидели долгие годы в одиночном заключении в Шлиссельбургской крепости.

Все петербургские банки были уже национализированы 14 декабря 1917 г. и в числе прочих мероприятий были также закрыты все текущие счета. Было разрешено брать с текущего счета не больше 1.000 рублей в месяц. Общество Шлиссельбуржцев было также затронуто этим распоряжением, как и все другие, и теперь старалось получить по чеку, для того, чтобы иметь возможность выдавать своим нуждающимся членам обычное месячное пособие.

Я отправился в Государственный банк, в указанную мне комнату. Это была комната средней величины, переполненная людьми, которые стояли в очереди перед столом в конце комнаты. За столом сидел молодой человек, который обслуживал посетителей. Это был, как я установил впоследствии, Г. Я. Сокольников, будущий долголетний комиссар финансов, и в настоящее время советский посол в Лондоне. Я обратился к нему, изложил ему сущность дела и просил разрешения на выплату по чеку. Сокольников отказал в выплате и заявил грубо, что в настоящее время нельзя знать, с кем имеешь дело, получают деньги под флагом Общества Шлиссельбуржцев, а потрачены они будут неизвестно на какие цели. Я ему возражал, уверял его,

что деньги эти предназначены исключительно для поддержки неимеющих средств бывших шлиссельбургских узников, но Сокольников заявил, что он меня не знает и разрешения мне не даст.

Я оглянулся кругом, ища поддержки, и к моей немалой радости увидел близорукого Крестинского, который сидел за маленьким столиком в другом углу комнаты, склонившись над бумагами. Я подошел к нему. После многих лет он сейчас-же меня узнал. Я об'яснил ему в чем дело и мы вместе отправились к Сокольникову. Крестинский сказал Сокольникову, что он меня знает и что он вполне уверен, что деньги действительно дойдут до Шлиссельбуржцев. После этого Сокольников дал разрешение, я получил в банке деньги и сейчас-же передал их председателю Общества.

Я несколько раз встречался в Государственном банке с Крестинским. Я был еще тогда директором торгового отдела Шуваловского Акционерного Общества, которое имело заводы и горные промысла на Урале; я должен был ежемесячно переводить туда около 5 миллионов рублей исключительно на заработную плату. Вследствие стачки банковских служащих, к которой примкнули и служащие Государственного банка, в то время царил страшный беспорядок во всех банковских операциях, в том числе, конечно, и при посылке переводов. Нужно было самым энергичным образом лично проводить каждую операцию, чтобы вообще чего-нибудь добиться.

Крестинский, который сам много лет прожил на Урале, помогал мне при переводе крупных сумм для наших рабочих, таким образом удавалось своевременно выплачивать деньги через отделение Государственного банка в Перми.

Хаос, который царил тогда в Государственном банке в Петербурге, был неописуем. Можно пожалуй действительно сказать, что в то время работали сами шкафы, скамейки, столы и стулья, так как из всего